

Arkadij N. Nieminuszczij

Проза Г. Сенкевича в письмах А. П. Чехова

Acta Polono-Ruthenica 7, 25-32

2002

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Arkadij N. Nieminuszczyj
Uniwersytet w Daugavpils

Проза Г. Сенкевича в письмах А. П. Чехова

Тема „Чехов и Сенкевич”, как правило, актуализируется литературоведами в связи с высказанной в одном из чеховских писем 1895 г. негативной оценкой романа *Семья Поланецких*. Чаще всего обсуждение названной темы этим и ограничивается.

Между тем, внимательный анализ эпистолярного наследия русского писателя позволяет говорить о том, что в течение почти семи лет (с 1890 по 1897 гг.) проза Г. Сенкевича была объектом достаточно пристального внимания А. П. Чехова. Его письма содержат упоминания о достаточно широком круге произведений Сенкевича, творчество которого было весьма актуальным для российского культурного сознания 1890-х–1900-х гг.

В силу того, что „русский” Сенкевич обычно впервые появлялся в переводах, публикуемых журналом „Русская мысль”, где Чехов сотрудничал, практически все тексты польского писателя достаточно быстро оказывались либо на чеховском письменном столе, либо в его домашней библиотеке.

Если говорить более конкретно, то можно утверждать, что Чехов был знаком с прозой Г. Сенкевича 80-х–90-х гг., представляющей различные жанры: новеллы, очерки, романы. К ним относятся *Американские очерки* (1883)¹; романы *Огнем и мечом* (1886); *Без догмата* (1891); сборники *Письма из Африки* (1892); *Путевые очерки* (1894) и, наконец, *Семья Поланецких* (1895) и *Quo vadis* (1896).

Кстати, проза обоих писателей соседствовала не только на страницах „Русской мысли”. В апреле 1902 г. французский профессор русского языка П. Буайе сообщил Чехову, что в издательстве журнала „La Revue Blanche”, наряду с романом *Quo vadis* и другими книгами, рассчитанными, по выражению

¹ Здесь и далее приводятся даты публикации русских переводов текстов Г. Сенкевича.

чеховского корреспондента, на громкий отклик, должны были выйти в свет отдельной брошюрой четыре рассказа Чехова: *Убийство, Мужики, Студент и На подводе*.²

Однако, если вернуться к основной проблеме, следует отметить два очень важных обстоятельства. Во-первых, оценка творчества одного писателя другим практически всегда явление как минимум неоднозначное. В этот процесс вмешивается целый комплекс субъективных личностных факторов, какие-то этические и эстетические предпочтения автора критических суждений. Можно, видимо, говорить лишь о большей или меньшей степени объективности, и Чехов в этом смысле, разумеется, не был исключением. Во-вторых, необходимо учитывать еще и некий динамический аспект: суть писательских оценок нередко изменяется вплоть до прямо противоположных исходным.

С учетом приведенных оговорок отметим, что первые признаки интереса Чехова к прозе Г. Сенкевича обнаруживаются в письме к А. С. Суворину от 23 февраля 1890 г., где встречается, очевидно, бывшее на слуху выражение „огнем и мечом”, воспроизводящее название первого переведенного на русский язык романа, быстро ставшего популярным, польского писателя. Два года спустя в коротком послании своему знакомому врачу Н. Н. Оболонскому Чехов снова имплицитно повторяет название уже явно знакомого ему текста: „Милый, драгоценный Николай Николаевич, не предавайте меня огню и мечу!” (IV, 368).

В конце 1892 г. обнаруживается уже прямое свидетельство чтения Чеховым *Писем из Африки*, которые писатель, обращаясь к В. М. Лаврову – редактору-издателю „Русской мысли”, относит к разряду „нескучного чтения” (V, 125). Явно под впечатлением от публикуемой из номера в номер книги очерков Сенкевича, Чехов в письме к Л. С. Мизиновой от 13 августа 1893 г. высказывается уже более определенно: „Будь деньги, я уехал бы в Южную Африку, о которой читаю теперь очень интересные письма” (V, 224). Любопытно, что именно в это время писатель возвращается к работе над своей ранней пьесой *Леший*, которая в конечном итоге превратилась в другую – *Дядя Ваня*. Не исключено, что знаменитая реплика доктора Астрова: „А, должно быть, в этой самой Африке

² См. об этом: А. П. Чехов, *Полн. собр. соч. и писем*. В 30 т. Письма, т. 10, Москва 1981, с. 512–513. (В дальнейшем все ссылки даются на это издание с указанием номера соответствующего тома и страницы в скобках за текстом).

теперь жарища – страшное дело!” могла появиться в тексте чеховской пьесы как один из откликов на чтение текста Сенкевича (кстати, до сих пор чеховеды этот факт никак не комментировали).

Первый более развернутый и вполне положительный отзыв на один из прочитанных романов польского коллеги Чехов делает в письме от 13 октября 1893 г. к уже упоминавшемуся В. М. Лаврову: „Прочел *Без догмата* с большим удовольствием. Вещь умная и интересная, но в ней такое множество рассуждений, афоризмов, ссылок на Гамлета и Эмпедокла, повторений и подчеркиваний, что местами утомляешься, точно читаешь поэму в стихах. Много кокетства и мало простоты. Но все-таки красиво тепло и ярко, и когда читаешь, хочется жениться на Анельке и позавтракать в Плошеве” (V, 246).

Симптоматично, что при общей благожелательности отзыва („умно”, „интересно”, „красиво”), Чехов вносит в оценку некий баланс, отмечая то, что представляется ему неприемлемым с точки зрения собственной поэтики: длинноты, намеренную демонстрацию авторской эрудиции, настойчивое акцентирование опорных идеологем. Собственно говоря, приведенный выше отклик был не только относительно подробно мотивированным, но и в каком-то смысле переломным.

Отправившись осенью 1894 г. в поездку по Европе, Чехов, как всегда, добросовестно информировал своих друзей и близких о дорожных впечатлениях. Обращаясь в одном из своих писем к сестре Марии Павловне, он, в частности, обронил такую фразу: „Был в Лемберге (Львове), где видел польскую выставку и нашел ее, к стыду Сенкевича и Вукола Лаврова очень жидкой и ничтожной” (V, 320). Совместное упоминание имен Лаврова и Сенкевича понятно, поскольку первый был постоянным переводчиком и популяризатором творчества последнего. Важнее, однако, совершенно очевидная ирония Чехова по поводу увиденного им на выставке во Львове. Причем это краткое суждение имеет, как представляется, достаточно важный подтекст, связанный не столько с оценкой выставки, сколько прозы Г. Сенкевича. Общеизвестно, что в 70-е гг. он был связан с кругом так называемых „варшавских позитивистов”, видными представителями которых были, в частности, Б. Прус и Э. Ожешко. Одной из важных составляющих программы упомянутого объединения была задача всемерной пропаганды патриотических идей, создания своего рода

„национального мифа”, дополненная апологией прагматизма, практического труда, опять-таки во имя укрепления авторитета родины. Частично эти идеи были артикулированы Г. Сенкевичем в его романе *Огнем и мечом*, который в то время Чехову был уже знаком. С учетом названных обстоятельств суть чеховского высказывания по поводу львовской выставки можно интерпретировать еще и как косвенный отзыв на один из текстов Сенкевича. При этом нет никаких оснований подозревать Чехова в каких-либо национальных „фобиях”, как это делают некоторые современные исследователи”.³ Очень показателен в этой связи только один из многочисленных примеров. Будучи летом 1888 г. на отдыхе вблизи украинского города Сумы, Чехов едва ли не с восторгом повествует в своих письмах о прелести национального колорита жизни местных поселян, восхищается особой мелодичностью народных песен, утверждает, что в отличие от русского мужика, местный „...и умен, и религиозен, и музыкален, и трезв, и нравственен, и всегда весел и сыт” (II, 287). Но симпатию Чехова вызывают проявления национальной идентичности в их, так сказать, „естественном”, первородном варианте. Иное дело, когда они приобретают эмблематический характер, тем более, когда это демонстрируется представителями национальной интеллигенции. Так, к примеру, приводя в одном из писем к А. С. Суворину характеристику обитателей имения, где гостил Чехов, он с нескрываемым ехидством констатирует: „Третья дочь, кончившая курс в Бестужевке [...]. Страстная хохломанка. Построила у себя в усадьбе на свой счет школу и учит хохлят басням Крылова в малороссийском переводе. Ездит на могилу Шевченко, как турок в Мекку” (II, 279). На таком фоне не кажется неожиданным упомянутый в самом начале пространный и, одновременно, самый резкий по тону и смыслу отзыв Чехова на прочитанный им, скорее всего, весной 1895 г. роман *Семья Поланецких*. В силу того, что литературоведы за редким исключением ограничиваются цитированием отдельных фрагментов этого чеховского текста, принципиально важно в данном случае привести его полностью. Обращаясь к А. С. Суворину в апреле 1895 г. Чехов писал: „Одолеваю *Семью Поланецких*. Это польская творожная пасха с шафраном. Если к

³ См., например: Е. Толстая, *Поэтика раздражения: Чехов в конце 1880-х – начале 1890-х гг.*, Москва 1994, с. 363.

Полю Бурже прибавить Потапенку, попрыскать варшавским одеколоном и разделить на два, то получится Сенкевич. *Поланецкие* несомненно навеяны *Космополисом* Бурже, Римом и женитьбой (Сенкевич недавно женился); тут и катакомбы, и старый чудак-профессор, вздыхающий по идеализму, и иже во святых Лев XIII с неземным лицом, и совет возвратиться к молитвеннику, и клевета на декадента, который умирает от морфинизма, поисповедовавшись и причастившись, т. е. раскаявшись в своих заблуждениях во имя церкви. Семейного счастья и рассуждений о любви напущена чертова пропасть, и жена героя до такой степени верна мужу и так тонко понимает «сердцем» Бога и жизнь, что становится в конце концов приторно и неловко, как после слюнявого поцелуя. Сенкевич, по-видимому, не читал Толстого, не знаком с Нитче, о гипнотизме он толкует, как мещанин, но зато каждая страница у него так и пестрит Рубенсами, Боргезе, Корреджио, Ботичелли – и это для того, чтобы шегольнуть перед читателем своею образованностью и показать кукиш в кармане материализму. Цель романа: убаюкать буржуазию в её золотых снах. Будь верен жене, молись с ней по молитвеннику, наживай деньги, люби спорт – и твое дело в шляпе и на том и на этом свете. Буржуазия очень любит так называемые «положительные» типы и романы с благополучными концами, так как они успокаивают ее на мысли, что можно и капитал наживать и невинность соблюдать, быть зверем и в то же время счастливым” (VI, 53–54).

Не вполне свойственная Чехову жесткость и однозначность приведенных суждений многократно в разной связи и в различных аспектах комментировалась как российской, так и польской литературной критикой. Основной мотив при этом – ссылки на неизбежную субъективность, несовместимость двух разных типов поэтики. На самом деле, однако, не всё так просто. Действительно, если иметь в виду логику эволюции Г. Сенкевича, то на фоне как ранних (*Огнем и мечом*, *Потоп*, *Пан Володыевский*) так и более поздних (прежде всего, *Quo vadis*) роман *Семья Поланецких* выглядит если не явной неудачей, то, по крайней мере, явлением переходным. Не случайно в отзыве Чехова так недвусмысленно опровергается в первую очередь несамостоятельность, эклектизм авторской позиции, как бы колеблющейся между позитивизмом и антипозитивизмом. Столь же последовательно не принимает Чехов

и отмечавшийся им ранее у Сенкевича псевдоинтеллектуализм и претенциозность.⁴

По сути дела в чеховском критическом отзыве зафиксированы глубокие, принципиальные расхождения с Г. Сенкевичем в сфере этики, эстетики и поэтики. Причем полемическое начало представлено у Чехова не только в тексте приведенного письма, но и в его художественной практике упомянутого времени. Так, например, в опубликованной в 1895 г. повести *Три года* русский писатель поставил в центр повествования героя (купца-предпринимателя), для которого коллизия, обозначенная оппозицией „быть зверем” – „быть счастливым” становится основой безысходного душевного надрыва. Какой-либо вариант примирения двух взаимоисключающих начал для Чехова совершенно немыслим.⁵

Добавим, что различия между двумя авторами были отмечены и „извне”, прижизненной литературной критикой. Так, в одной из статей, опубликованных в январской за 1896 г. книжке журнала „Нива”, его издатель Р. И. Сементковский сопоставлял рассказ Чехова *Убийство* и романы Г. Сенкевича *Без догмата*, *Семья Поланецких* и уже переведенный к тому времени *Quo vadis*: „...у г. Сенкевича, – утверждал Сементковский, – вера является новою забавой для людей, оторванных от жизни [...], а в рассказе г. Чехова вера является насущным хлебом, якорем спасения для людей, окутанных мраком невежества”.⁶

Казалось бы, после столь четко обозначенных расхождений Чехов должен был утратить всякий интерес к творчеству Сенкевича. Однако, этого не произошло. Так, скажем, в ноябре 1896 г., отправляя на осмотр к знакомому врачу одного из своих пациентов, Чехов в сопроводительном письме просит передать с ним из

⁴ Кстати, польская критика за небольшими исключениями также приняла роман Г. Сенкевича без восторга. См. об этом, в частности: Т. Вуйницки „*Rodzina Połanieckich*” *Henryka Sienkiewicza*, [в:] Н. Сienkiewicz, *Rodzina Połanieckich*, Wrocław 1998.

⁵ Как точно заметил в одной из своих последних работ Е. Г. Эткинд: „В произведениях зрелого Чехова прозе всегда противостоит поэзия, бездушным марионеткам – истинная жизнь, социальным ролям – высокая человечность”. См. Е. Г. Эткинд, *О русской поэзии XX века*, Санкт-Петербург 1997, с. 16.

⁶ Р. И. Сементковский, *Что нового в литературе? Критические очерки*, Ежемесячные литературные приложения к „Ниве”, 1896, с. 173.

московской квартиры книги ряда авторов, среди которых упоминается и Сенкевич (VI, 226).

Летом следующего, 1897, года в письме к одному из редакторов „Русской мысли” В. А. Гольцеву, Чехов высказывает просьбу прислать роман *Quo vadis*, причем, как можно понять из контекста чеховского послания, к этому времени книга была прочитана, то есть процесс осмысления прозы Г. Сенкевича продолжался.

Развязка наступила в конце того же 1897 г., когда Чехову, находившемуся в Ницце, книжный магазин „Русской мысли” выслал ряд изданий, среди которых находились и романы Г. Сенкевича. Отвечая на эту любезность, Чехов в письме к В. А. Гольцеву тем не менее не мог скрыть огорчения таким подбором литературы, определяя качество присланных ему книг словом „умственные”, явно чужеродные для среды обитания, где „... читатель всю зиму ходит в соломенной шляпе и предпочитает в женщинах легкое поведение, а в литературе – книги для легкого чтения” (VII, 91–92). Шутливый тон не должен в данном случае вводить в заблуждение. В лексиконе чеховского эпистолярия слово „умственный” (вариант – „вумный”) практически всегда несет в себе ироническую семантику, выражает явную уничижительность, сомнение в подлинном интеллекте. И опять-таки можно упрекнуть Чехова в предвзятости, в связанной с определенным настроением недооценке романов Сенкевича, включая один из лучших – *Quo vadis*.

Однако, если иметь в виду всё сказанное ранее, следует, видимо, признать, что абсолютной субъективности и немотивированного, „вкусового” подхода в суждениях о прозе Г. Сенкевича у Чехова не было.

Результатом долгого и неоднозначного процесса восприятия творчества одного из самых известных в России польских писателей стало то, что пути обоих авторов разошлись окончательно. До конца своей жизни Чехов больше никогда и ни в какой связи не вспоминал о Сенкевиче. Но причины этого расхождения были осмыслены и сформулированы Чеховым так, что его невозможно заподозрить в попытке утвердить свой собственный авторитет за счет некорректной оценки творчества одного из своих современников. И хотя Чехов никогда не признавал себя способным выступать в статусе литературного критика, то, что и как было написано им о прозе Сенкевича, заставляет с большим вниманием и доверием

относиться и к другим суждениям Чехова о литературе вообще и об отдельных авторах в частности.